

Е. С. Громенко^a

<https://orcid.org/0000-0002-1143-1872>

✉ elgromenko@hse.ru

М. А. Кронгауз^a

<https://orcid.org/0000-0003-2956-0565>

✉ mkronhaus@yandex.ru

^a Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

НЕГАТИВНЫЙ СДВИГ В ОЦЕНКЕ ЭТНОНИМА: ГИПОТЕЗА КОНТЕКСТНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится проверка гипотезы контекстной обусловленности, связывающей оценку этнонима с контекстом. Проверяется допущение, состоящее в том, что слова с негативной оценкой тяготеют к негативным контекстам. Это означает, в частности, то, что количественная обработка контекстов может становиться основой для выделения негативной оценки и ее количественной квалификации, т. е. чем больше процент негативных контекстов, тем интенсивнее сама негативная оценка в семантике слова. Цель исследования состоит в том, чтобы описать количественное распределение по типам контекстов (положительные, нейтральные и негативные) четырех этнонимов: *азиат*, *европеец*, *итальянец*, *таджик*, и предложить содержательную интерпретацию этому распределению. В связи с этой целью в исследовании уточняются оценки контекста. Так, во-первых, среди различных пониманий негативности контекста выбирается одно («узкая контекстуальная тональность»), а во-вторых, разрабатываются объективные критерии квалификации контекста как негативного. Кроме того, рассматривается дополнительный метод оценки негативности этнонима, а точнее: замена негативно окрашенного слова эвфемизмом. Для наименований этносов такой нейтральной заменой выступает конструкция *лицо ... национальности*.

Ключевые слова: негативный сдвиг, контекстная обусловленность, этнонимы, экспертная оценка, нейтральный этноним, экспрессивный этноним, негативность, негативный контекст, тональность контекста, широкая контекстуальная тональность, эвфемия

Благодарности. В данной научной работе использованы результаты Большого проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Громенко Е. С., Кронгауз М. А. Негативный сдвиг в оценке этнонима: гипотеза контекстной обусловленности и инструменты измерения // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 174–191.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 24 января 2025 г.

E. S. Gromenko ^a

<https://orcid.org/0000-0002-1143-1872>
✉ elgromenko@hse.ru

M. A. Krongauz ^a

<https://orcid.org/0000-0003-2956-0565>
✉ mkronhaus@yandex.ru

^a HSE University (Russia, Moscow)

NEGATIVE SHIFT IN THE EVALUATION OF AN ETHNONYM: HYPOTHESIS OF CONTEXTUAL CONDITIONING AND MEASUREMENT TOOLS

Abstract. The article examines the hypothesis of contextual conditionality linking the assessment of an ethnonym with the context. The assumption that words with negative connotation gravitate towards negative contexts is tested. This means, in particular, that quantitative processing of contexts can become the basis for identifying a negative tone and its quantitative qualification, i.e. the greater the percentage of negative contexts, the more intense is the negative connotation in the semantics of the word. The purpose of the study is to describe the quantitative distribution by type of context (positive, neutral and negative) of four ethnyms: *Asiatic*, *European*, *Italian*, *Tajik*, and to offer a meaningful interpretation of this distribution. In response to this goal, the study clarifies assessments of context. Thus, firstly, among various understandings of the negativity of the context, one is selected («narrow contextual tonality»), and secondly, objective criteria for qualifying the context as negative are developed. The research material consisted of about 900 texts of comments and posts obtained by a continuous sampling method for lexical and grammatical search for the lexemes *European*, *Asiatic*, *Tajik*, *Italian* in the subcorpus of Social networks of the National Corpus of the Russian Language. An additional method for assessing the negativity of an ethnonym is considered: replacing a negative word with a euphemism. For names of ethnic groups, such a neutral replacement is the construction of a *person of ... nationality*.

Keywords: negative shift, contextual conditioning, ethnyms, expert assessment, neutral ethnonym, expressive ethnonym, negativity, negative context, contextual tonality, broad contextual tonality, euphemism

Acknowledgements. The study was implemented within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024.

To cite this article: Gromenko, E. S., & Krongauz, M. A. (2025). Negative shift in the evaluation of an ethnonym: Hypothesis of contextual conditioning and measurement tools. *Shagi / Steps*, 11(1), 174–191. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 24, 2025.

Экспрессивные этнонимы

Исследование этнонимов-пейоративов, называемых также этнофолизмами¹, проходит, как правило, в рамках более общей проблематики «языка вражды». Наряду с изучением их функционирования (см., например: [Грищенко, Николина 2006; Каллистратидис 2013; Пешкова и др. 2018]) этнонимы анализируются с точки зрения источников их возникновения и деривационного потенциала [Березович, Гулик 2002; Грищенко 2007].

Обсуждение национальностей и рас, безусловно, относится к темам, называемым сегодня чувствительными. Во многом поэтому важной задачей становится определение грубости этнофолизмов и классификация их по степени оскорбительности. Некоторые из таких этнонимов могут оцениваться носителями языка как нейтральные или почти нейтральные, и, таким образом, их не следует считать этнофолизмами (и пейоративами), а лучше отнести к экспрессивным этнонимам — понятию более широкому, включающему и этнофолизмы. Вот как его определяет А. И. Грищенко: «Под экспрессивными этнонимами (далее — ЭЭ) мы понимаем номинативные единицы с семей ‘народ’ или ‘представитель народа’, маркированные как эмоционально-оценочные (при наличии нейтральных литературных синонимов) с широким диапазоном оценки: от возвышенно-поэтической (*россы* ‘русские’, *Huns* ‘немцы’) до уничижительной (*чурка* ‘выходец из Средней Азии’, *kike* ‘еврей’)» [Грищенко 2007: 40].

Из этого определения видно, что экспрессивные этнонимы противопоставлены нейтральным. Однако нейтральность оказывается понятием относительным. Иногда нейтральные согласно лексикографическому описанию этнонимы употребляются и воспринимаются как маркированные, а точнее говоря, как экспрессивно-негативные.

Возникает вопрос, как можно выявить эту маркированность или, иначе говоря, по каким объективным показателям определить движение этнонима в сторону негативной оценки.

Далее предлагается по крайней мере два подхода к определению негативной экспрессивности, результаты которых должны либо совпадать, либо коррелировать друг с другом. При первом подходе используется опрос респондентов с целью определить степень грубости отдельных этнонимов. Второй же опирается на гипотезу, связывающую оценку с контекстом, назовем ее гипотезой контекстной обусловленности. Иначе говоря, мы исходим из того, что слова с негативной оценкой тяготеют к негативным контекстам. Это означает, в частности, то, что количественная обработка контекстов может становиться основой для выделения негативной оценки и ее количественной квалификации, т. е. чем больше процент негативных контекстов, тем интенсивнее сама негатив-

¹ Термин «этнофолизм» (*ethnophaulism*) введен в 1944 г. в [Roback 1944] и используется также в работах на русском языке ([Довгополый 2006; Мокшин 1991; Пешкова и др. 2018] и др.).

ная оценка в семантике слова. Предполагается, что степени негативности лексической единицы, полученные при опросе и при оценке контекстов при двух подходах, должны быть близки, а в идеале совпадать².

Первому подходу посвящена работа [Кронгауз, Сомин 2024], основанная на социалингвистическом опросе. В одном из пунктов анкеты предлагалось оценить этнонимы из списка по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно нейтральное, 5 — максимально оскорбительное. В результате средняя оценка оскорбительности этнонима *таджики* оказалась несколько выше (1,33), чем у максимально нейтральных в этом опросе *итальянцев* (1,04). Это явление названо в работе негативным сдвигом.

Постановка задачи, методы и материал

Настоящая статья, по существу, является проверкой гипотезы контекстной обусловленности. Объектом исследования стали этнонимы *азиат*, *европеец*, *итальянец*, *таджик*³. Все они, исходя из лексикографического описания в «Большом толковом словаре русского языка» [БТС] и «Большом академическом словаре» [БАС], являются нейтральными. Отметим, что в БТС лексема *азиаты* имеет второе, маркированное экспрессивной пометой *бранно* переносное значение с негативной коннотацией 'о некультурном, невежественном человеке (противоп.: европеец)'. Вместе с тем в БАСе это значение характеризуется пометой *устар.*, т. е. оно признается неактуальным для русского языка новейшего периода [БАС (1): 127–128]. В нашей выборке не обнаружено ни одного употребления с маркированным значением, поэтому слово *азиат* на основе лексикографического описания мы также считаем нейтральным. Кроме того, том БАСа со словом *таджик* еще не опубликован, поэтому нейтральность этого слова утверждаем только по данным БТС. Следует также отметить, что в отличие от этнонима *итальянец* этноним *таджик*, по-видимому, может употребляться расширительно, т. е. не только как обозначение представителя таджикского этноса, но и по отношению к жителям Центральной Азии. Однако в текстах практически невозможно различить «узкое» и «широкое» значения. Кроме того, расширение значения пока не отмечено ни в одном словаре. Можно сказать, что появление такого значения требует отдельного дополнительного исследования, поэтому в настоящей работе просто не учитывалось.

² Тожественность оценок зависит от выбранных единиц измерения, поэтому точнее говорить о корреляции результатов двух подходов.

³ Из этого короткого списка уже видно, что мы понимаем термин *этноним* несколько шире, чем это принято в ономастике, — это не только название народа, но и некоторая этническая общность или просто обобщающее название людей, проживающих на определенной территории. Слова типа *кавказец*, *азиат*, *европеец* и по своему употреблению, и семантически похожи на этнонимы в традиционном понимании, в частности, они также могут приобретать экспрессивность и негативность, т. е. включаться в те же семантические процессы.

Цель исследования состоит в том, чтобы описать количественное распределение по типам контекстов (положительные, нейтральные и негативные) четырех этнонимов — *азиат*, *европеец*, *итальянец*, *таджик* — и предложить содержательную интерпретацию этому распределению. Рабочая гипотеза заключалась в том, что для слов *азиат* и *таджик* должно быть установлено тяготение к отрицательным контекстам. По сути, это и есть гипотеза контекстной обусловленности применительно к данному материалу⁴.

В связи с этой целью возникают задачи по уточнению оценки контекста. Так, в отношении негативных контекстов следует, во-первых, выбрать и зафиксировать одно понимание негативности, а во-вторых, разработать объективные критерии квалификации контекста как негативного.

Материал исследования составили около 900 текстов комментариев и постов, полученных методом сплошной выборки по лексико-грамматическому поиску лексем *европеец*, *азиат*, *таджик*, *итальянец* в подкорпусе «Социальные сети» Национального корпуса русского языка (НКРЯ; <https://ruscorpora.ru>). Таким образом, мы имеем дело с разговорной речью, точнее, с ее разновидностью в интернете (социальные сети). Можно сказать, что такой своего рода бытовой дискурс противопоставлен официальному дискурсу в отношении экспрессивности и оценки, поскольку именно в нем экспрессивность имеет наиболее живой характер и выражается наиболее естественным путем. Понятно, что изучение экспрессивной оценки продуктивнее на том материале, где она проявляется наиболее ярко и без особых ограничений.

В исследовании применялись методы дистрибутивного, источниковедческого и корпусного анализа, сравнительно-сопоставительный, статистический методы, метод экспертной оценки, позволившие проанализировать лексический материал с точки зрения семантики, статистики, особенностей функционирования.

Прокомментируем методологию экспертной оценки, выработанную в рамках исследования для выявления контекстов с негативной оценкой этнонимов в результате ряда экспериментов по оценке таких контекстов.

Уточнение характеристик контекста: метод экспертной оценки

На первом этапе разработки системы оценки текстов трем экспертам было предложено независимо друг от друга оценить 150 контекстов методами контент-анализа.

Во избежание субъективных установок экспертов-оценщиков по отношению к представителям той или иной группы исследуемые этнонимы были заменены на номинацию *марсианин (марсиане)*, а прочие, для уменьшения вероятности восстановления по контексту замененного наименования группы, — на наименования вымышленных обитателей других пла-

⁴ Это так с учетом того, что в [Кронгауз, Сомин 2024] именно у этих слов на основе проведенного опроса был отмечен негативный сдвиг.

нет. Таким образом, предложенные на оценку контексты имели вид: «Ты знаешь, откуда шутки про то, что есть марсианин, который лучше тебя?» или «А то к нам ваяют толпами марсиане и луняне, а земляне сдуру едут на Меркурий».

Метод контент-анализа предполагал присвоение каждому слову в предложении (помимо стоп-слов, таких как предлоги, союзы, вопросительные слова и пр.) определенного балла, соответствующего тому, является ли значение слова положительным (+1), нейтральным (0) или негативным (−1), кроме того, учитывались невербальные, графические маркеры — смайлики, пунктуация, графическое выделение текста, из контент-анализа были заимствованы правила оценки текста [Thelwall et al. 2010; Vinodhini, Chandrasekaran 2012].

После числовой разметки совершалось суммирование всех количественных показателей, и в зависимости от того, к какой зоне числовой шкалы (больше/меньше нуля, ноль) относился результат, делался вывод о тональности контекста — положительной/негативной/нейтральной:

Шоколадный (0) оттенок (0). Ни азиатов (0), ни аборигенов (0). Разве что только загорелые (0) девочки (+1), испытывавшие потребность (−1) в солнечном (0) свете (0) (*сумма*: 0).

ИМХО, потому что азиаты (0) в западной (0) культуре (0) менее стигматизированы (+1) чем остальные (0), и основные (0) стереотипы (0) там о том, что они умные (+1) и у корейцев (0) отличный (+1) кинематограф (0) (*сумма*: +3).

Как видно из приведенных примеров, при оценке предложения методом контент-анализа делается вывод о высказывании как о нейтральном (в первом случае) и положительном (во втором случае), в то время как объективно оценка нации в обоих контекстах негативная. В первом примере упомянутые группы выступают как нежелательные, а их отсутствие положительно оценивается автором текста. Во втором примере, несмотря на упоминание меньшей стигматизированности азиатов, в любом случае имплицитная информация состоит в том, что о группе распространено негативное мнение, хоть и не так явно, как по отношению к представителям других групп.

Таким образом, данный способ оценки контекста оказался непродуктивным, поэтому было принято решение отказаться от использования методов контент-анализа.

На втором этапе в первую очередь был пересмотрен фокус внимания экспертов, который был сужен до этнонима и относящегося к нему контекста. Необходимость этого уточнения наглядно демонстрируют случаи, в которых тональность всего текста, назовем ее «широкой», не совпадает с «узкой» контекстуальной тональностью этнонима:

В воду масло итальянцы не льют, никогда, никто так не делает, кроме русских, как будто нормально макароны без него сварить

не могут [далее четыре смайлика с изображением лица, закрытого одной рукой, называемого «фейспалм»] (ВКонтакте, 04.10.2021).

В приведенном примере автор сравнивает итальянцев и русских. Главное намерение говорящего — выражение стыда, досады за привычки русских, что помимо содержания текста выражается в графическом элементе — смайлике. Общая оценка высказывания, «широкая» тональность — негативная. В то же время итальянцы в этом тексте выступают эталоном поведения, теми, на кого необходимо ориентироваться, поэтому контекстуальная, «узкая» тональность этнонима — положительная.

В исследовательской выборке тексты с несовпадающей «широкой» и «узкой» тональностью составляют наибольший процент примеров, поэтому такое разграничение для настоящего исследования крайне необходимо.

Далее на этом этапе в адаптированном под цели, задачи, материал проводимого исследования виде были внедрены некоторые положения судебной лингвистической экспертизы (см.: [Баранов 2007; Кара-Мурза 2009; Стернин 2011; Стернин, Калинин 2011]), теории речевых актов, коммуникативной грамматики (см.: [Золотова и др. 1998; Ильенко 2003; 2009; Ильенко, Томилова 2021]).

В результате апробации, выявления систематических ошибок и погрешностей в оценке экспертами и последующего уточнения экспертной инструкции были найдены критерии, показавшие себя наиболее эффективными при оценке негативного контекста.

Таким образом, под негативным контекстом понимается любой текст, в котором основным или факультативным намерением говорящего выступает имплицитное или эксплицитное формирование негативной установки аудитории в отношении определенной группы, ее представителя. Способы выражения негативной оценки в тексте различны, как то:

- присутствие неприличной, циничной, негативной оценки (в том числе обобщенной) группы или ее представителей:

Асланбек Дудаев, да живёт он сто и ещё сто лет, заявил, что события на Манежной площади это прямое следствие попустительства властей, позволяющих оппозиционерам собираться раз в месяц на Маяковке. Мол кучка полоумных азиатов-демократов, требуя политических свобод спровоцировала мириады великорусских погромщиков (ВКонтакте, 25.03.2014);

- информирование о негативно оцениваемых действиях, правонарушениях и проступках представителей определенной группы:

Если у России не появится национальной идеи, нас либо завоюют китайцы, либо освоят европейцы (Livejournal.com, 2013);

В Петербурге, например, тувинцы «выжили» таджиков и узбеков, «благодаря» российским паспортам (ВКонтакте, 26.03.2016);

- информирование о негативной генетической предрасположенности группы, физиологических отклонениях от нормы в связи с образом жизни, рационом питания и пр.:

Известно, что около 80% процентов азиатов страдают от близорукости. В нескольких китайских школах запустили экспериментальный проект, который должен предотвратить развитие близорукости и неправильной осанки с самого детства (ВКонтакте, 03.03.2014);

- информирование о негативно оцениваемых физиологических, анатомических особенностях группы, внешности ее представителей:

Я не расист но почти 99% красивых азиатов таковы только из за долгой макияжной работы (Telegram, 06.01.2022);

Так что не могут, пока не представили ИИ который меняет полностью тон кожи, делает нос меньше, разрез глаз больше, etc Это ж как надо упоротся, чтобы эльфийский взор доверить азиату, например? (Telegram, 14.02.2022);

- информирование о низком качестве приобретенных навыков, знаний, умений, некомпетентности группы или ее представителей в чем-либо:

Чувак снова: Yes!. Так же и я, когда был в Италии осенью. Необычайно глупо себя чувствуешь, когда не можешь поддержать даже элементарный диалог. Тем более, что итальянцы, по слухам, сами хуже всех в Европе спикают на английском (Murph, 2016);

Тут, правда, стоит оговориться, что по-английски я говорю отлично, а кроме того говорю по-испански, так что шанс растеряться среди иностранцев у меня минимален. Но, с другой стороны, азиаты сами едва говорят по-английски, так что эти знания мне особо и негодились (ВКонтакте, 28.04.2014);

- информирование о негативном воздействии на этническую группу или на ее представителей:

Надо ж, наверно, у самого этого таджика спросить. Мол, как тебе, родной, живётся с этими дружественными русскими? Фигово или очень фигово? (ВКонтакте, 20.01.2015);

Например, администратор Эрмитажа рассказывала мне вчера, что итальянцев грабят именно в зале Леонардо да Винчи)) такой вот, воровской шик! (ВКонтакте, 06.06.2012);

- информирование о миноритарном, ущемленном в чем-либо положении, непрестижном статусе группы или ее представителей:

Бгг. Так тебя же по нашему законодательству не должны допускать к выборам? ЛОЛ! Даже таджиков допускают! Это же буржуазные выборы! Вопрос не в выборе, а в выборах Бабая зачморить, что на родине побывать (Крым — обсуждение (без призывов к действию) (2), 2017–2021);

Отсутствие азиатов в политике и управлении означает, что в массовом сознании азиаты могут быть сколь угодно трудолюбивыми и гениальными — но не могут быть лидерами (ВКонтакте, 26.08.2014);

Дома бываю редко, ибо работаю много. Не таджик. Буду благодарен за любую помощь, репост приветствуется (ВКонтакте, 26.10.2013);

Причисляя к азиатам друг друга, европейцы готовятся убивать (Livejournal.com, 2013);

- приведение сравнений, в которых группа или ее представители проявляют негативные качества:

Как относятся к морозам разные народы в разных странах. 10 (градусов) — Американцев знобит, русские сажают огурцы. 2 — У итальянцев не заводятся машины, русские ездят с открытыми окнами... Наблюдают как растут огурцы. 0 (градусов) — Во Франции замерзает вода, в России она загустевает. — 5 — В Канаде включают отопление. Русские в последний раз выезжают на пикник, выкапывают огурцы (ВКонтакте, 11.05.2016);

Мы, русские, не так оторваны от природы, как европейцы, культура лежит на нас легким слоем, и природе пробиться через этот слой проще и легче (vesta neo. Песни Каменной Бабы, 2021);

- приведение фиктивного сравнения, составленного по принципу «плохой и еще хуже», т. е. группа или ее представители в любом случае оцениваются негативно:

Крикливые, суетливые, особенно бабы, дети гораздо нахальнее детей тех же азиатов или кавказцев, у нас даже пьяные не часто так себя ведут развязано (Livejournal.com, 2013);

Да я лучше с таджиками якшаться буду, чем с вами (ВКонтакте, 07.11.2012).

Положительными были признаны все те контексты, в которых автор формирует положительный образ группы и ее представителей посредством введения в текст положительной информации о них:

видела сегодня двух таджиков, работающих сборщиками мусора из урн, которые заботливо подобрали с земли замерзшего полуживого голубя. осторожно донесли его на руках до своей рабочей

машины, и, умиляясь, оставили его там приходить в себя (ВКонтакте, 10.03.2012).

Дальше мы шли опять за туристами по узеньким и очень красивым улочкам, на которых пока еще не сняли рождественские украшения. Вот они итальянцы — любители торжеств и праздников (ВКонтакте, 17.04.2016).

«Китайцы справились с пандемией не потому, что там тоталитаризм, а потому, что они китайцы» (с) Вопрос менталитета. Азиаты всегда отличались самодисциплиной и сплоченностью. Можно предположить, что не последнюю роль здесь сыграло конфуцианство и даосизм (У нас и у них, 2019–2021).

А у нас алкашей сменили таджики, иронично, что человек 6 в двушке тише тех 2–3 человек (Telegram, 26.04.2022).

Крамольный вопрос: а зачем нам так надо становиться европейцами? (Livejournal.com, 2013).

Нейтральными были признаны все те контексты, в которых не формируется ни положительный, ни отрицательный образ группы, т. е. отсутствует какая-либо ее оценка:

Чай известен как отличное потогонное (способствующее обильному потоотделению) средство. Недаром жители Средней Азии, несмотря на жаркий климат, пьют чай часто и помногу, что зачастую удивляет европейцев (ВКонтакте, 01.04.2016).

Слова, которыми вы можете воспользоваться, обедая, например, в компании итальянцев. *Delizioso* — вкусный, просто восхитительный! (ВКонтакте, 31.12.2015).

Данные о еврейх-ашкенази были среди большого числа публично доступных митохондриальных геномов разных европейцев, а также кавказцев и населения с Ближнего Востока (Livejournal.com, 2013).

Апробация инструкции продемонстрировала оценку контекстов экспертами, соответствующую действительности, отсутствие систематических отклонений и незначительную долю погрешности, которую считаем допустимой. Таким образом, тестирование было признано успешным, сама инструкция рабочей, а полученные результаты по оценке исследовательских материалов — достоверными и объективными.

Итак, в исследовании на первом этапе разработки методологии экспертной оценки были приняты методы контент-анализа. Однако полученные данные не соответствовали действительной оценке группы в контексте, поэтому эксперимент был признан неудачным, потребовалась доработка методологии. На втором этапе фокус внимания экспертов был сужен до этнонима, определялась его «узкая» контекстуальная тональ-

ность вместо «широкой» тональности текста. В результате была разработана рабочая методология оценки контекстов с точки зрения интерпретации намерения автора при включении этнонима в высказывание, были перечислены способы контекстуального выражения негативных и положительных целей автора, уточнено понимание негативного, положительного и нейтрального контекстов.

Проверка гипотезы контекстной обусловленности: количественная оценка контекстов

Предварительно поставленная гипотеза была проверена по заведомо негативному слову — экспрессивному этнониму *хачик*, выражающему резко отрицательное отношение, крайнее неуважение, презрение. Материалом для этого анализа послужили комментарии и посты в социальной сети «ВКонтакте» за 2023 г., исключение составили повторы, случаи омономии, а также содержательно неполноценные контексты. Дополнительная исследовательская выборка по слову *хачик* составила около 100 контекстов.

В результате исследования было выявлено, что в 93% контекстов экспрессивный этноним сохраняет негативность, а в 7% случаев под влиянием контекста приобретают положительную тональность. Если использование заведомо негативного экспрессивного этнонима в негативном употреблении ожидаемо, то появление у него положительной оценки требует комментария. Положительная оценка у слова *хачик*, в частности, обнаруживается в следующих контекстах:

Что такое народное единство? Это когда русский, армянин, абхаз, карачаевец создают самый сильный отдел спорта в издании. А ты их называешь любя — «мои хачики» (ВКонтакте, 8.11.2023).

хачики я люблю вас анон анон пж админу шоколадку (ВКонтакте, 12.04.2023).

Помогите найти, хачика-краша, очень красивый, был у него дома, но не знаю как его зовут (ВКонтакте, 24.06.2023).

Во всех этих текстах их авторы подчеркивают положительное отношение к тем, кого они называют *хачиками*, что эксплицируется в употреблении слов и выражений *называешь любя, люблю вас, краш⁵, очень красивый*. Использование слова *хачик* в этих примерах может быть оправдано особой стратегией говорящего, которая связана с тем, что он хочет создать экспрессивно-эмоциональное высказывание. Однако в языковой системе нет такого слова с положительной оценкой, поэтому говорящий обращается не к нейтральной номинации, а к имеющемуся в языке экспрессивному слову с негативной коннотацией. Для говорящего в таком случае бо-

⁵ Слово из молодежного сленга, обозначающее объект влюбленности, страсти; кумира.

лее значимой оказывается экспрессивность слова, а не его негативность, которая нивелируется в контексте, в то время как яркая экспрессивность сохраняется, меняя свой полюс с резко отрицательного на ярко положительный. Таким образом, слово *хачик* утрачивает в этих примерах негативность и приобретает контекстуально обусловленную положительную тональность.

Итак, анализ контекстов по заведомо негативному этнониму *хачик* продемонстрировал, что слово с негативной коннотацией тяготеет к употреблению в негативных контекстах, хотя возможно и редкое употребление в контекстах положительных, но не нейтральных, последнее невозможно из-за заложенной в слове экспрессии.

Если в случае со словом *хачик* тяготение к негативному контексту определяется заложенной в нем коннотацией, то с нейтральными этнонимами *европеец*, *азиат*, *таджик*, *итальянец* не все так однозначно и очевидно.

Проведенная на материале исследования оценка употребления этнонимов *европеец*, *азиат*, *таджик*, *итальянец* демонстрирует следующее соотношение негативной, положительной и нейтральной оценок этих слов в проанализированных текстах:

	европеец	азиат	итальянец	таджик
негативный	47%	65%	27%	73%
нейтральный	21%	16%	23%	8%
положительный	32%	18%	50%	18%

Как видно из приведенных данных, этноним *итальянец* в отличие от других в большинстве случаев употребляется в положительных контекстах (50%), кроме того, у этой номинации также по сравнению с остальными наибольший процент употреблений в нейтральных контекстах (23%) и наименьший — в негативных (27%).

По сравнению с ним этноним *европеец* увеличивает показатель употребительности в негативных контекстах (47%), уменьшает показатели употребительности в положительных (32%) и нейтральных (21%) контекстах.

Следующим по уменьшению степени нейтральности и по увеличению степени негативности выступает этноним *азиат*, у которого по сравнению с этнонимом *европеец* значительно снижается употребительность в положительных контекстах (18%), незначительно — в нейтральных контекстах (16%), а употребительность в негативных контекстах становится преобладающей (65%).

Этноним *таджик* в наибольшей по сравнению с другими нейтральными номинациями степени употребляется в негативных контекстах (73%), в наименьшей степени — в нейтральных (8%), доля положительных контекстов аналогична таковой у этнонима *азиат* (18%).

Эвфемия как дополнительный критерий

По существу, уже в этом месте можно было бы подвести итоги, но мы обратимся к еще одному дополнительному методу оценки негативности этнонима.

Одним из объективных подтверждений того, что слово или выражение приобретает негативную окраску, становится неудобным, воспринимается грубым или непристойным, является замена такого слова эвфемизмом. Для наименований этносов такой нейтральной заменой выступает конструкция *лицо ... национальности*, используемая главным образом в официальном и публицистическом дискурсах, в частности в медиа. Поэтому для прослеживания того, появляется ли у носителей языка потребность в употреблении этой конструкции, выступающей в качестве замены этнонимов *европеец, азиат, итальянец, таджик*, были привлечены данные медиабанка «Интегрум.Профи».

Анализ по базе «Интегрум.Профи» показал, что за период с 1990 по 2022 г. конструкция *лицо европейской национальности* была употреблена в 79 документах федеральной и региональной прессы, федеральных и региональных информагентств, интернет-изданий, ТВ и радио; *лицо азиатской национальности* (1990–2023) — в 467 документах; *лицо итальянской национальности* — в 10 документах; *лицо таджикской национальности* — в 583 документах.

Как показывают приведенные данные, конструкции *лицо итальянской национальности* и *лицо европейской национальности* за более чем двадцать лет употребляются менее чем в ста документах — в 10 и в 79 документах соответственно, поэтому эти данные признаём незначительными и несущественными, а сами номинации не требующими нейтральной замены, т. е. нейтральными. Конструкции *лицо азиатской национальности* и *лицо таджикской национальности* демонстрируют более репрезентативные данные — 467 и 583 документа соответственно; это как раз и объясняется тем фактом, что номинации *азиат* и *таджик* воспринимаются носителями языка менее нейтральными по сравнению с номинациями *европеец* и *итальянец*, поэтому авторы текстов, стремясь смягчить формулировки и не вызвать недовольства у кого-либо, не оскорбить чьи-либо чувства, соблюдая вежливость и подстраховываясь, заменяют номинации *азиат* и *таджик* на конструкцию *лицо ... национальности* в большем числе случаев. Возможно, что такая замена вызвана и чрезмерным проявлением политкорректности в эпоху «новой этики» (см.: [Ефремов 2022]), но в любом случае такая замена не могла произойти беспричинно и без предположения носителей языка о том, что номинации *азиат* и *таджик* могут кого-то задеть, вызвать негативные чувства.

Кроме того, если совместить полученные методом экспертной оценки результаты по анализу оценки контекстов, а точнее, показатели употребительности этнонимов в негативных контекстах с результатами употребления конструкции *лицо ... национальности*, то получается следующая шкала (см. с. 187).

	итальянец	европеец	азиат	таджик
	(+) $\xrightarrow{\hspace{1.5cm}}$ 0 $\xrightarrow{\hspace{1.5cm}}$ (-)			
негативный контекст	27%	47%	65%	73%
лицо ... национальности	10 док.	79 док.	467 док.	583 док.

Итоги

Как видно из совмещенных в таблице данных, показатели негативной оценки этнонимов *итальянец*, *европеец*, *азиат*, *таджик* в контекстах если не пропорциональны частоте употребления конструкции *лицо ... национальности* в медиаисточниках, то сопоставимы с ней. Полученные дополняющие и взаимно подтверждающие друг друга результаты свидетельствуют о том, что номинации *азиат* и *таджик* не нейтральны на настоящий момент, а сдвинуты в сторону негативности, хотя и не являются однозначно отрицательными и табуированными словами.

Таким образом, считаем гипотезу контекстной обусловленности на рассмотренном материале доказанной, а исходя из проведенного анализа и полученных результатов, полагаем, что нейтральной можно считать такую номинацию, которая допускает употребление максимум в 50% негативных контекстов, в то время как показатели более 50% свидетельствуют о выходе из зоны нейтральности и эксплицируют степень тяготения номинации к полюсу негативности.

Так, в результате анализа контекстов считаем номинации *итальянец* и *европеец* нейтральными, несмотря на то что в случае с этнонимом *европеец* количество негативных контекстов близко к 50%, но не превышает эту долю, т. е. баланс нейтральных и положительных контекстов в противовес негативным соблюден.

Вместе с тем в анализируемом ряду номинаций налицо тяготение к полюсу негативности этнонимов *азиат* и в наибольшей степени *таджик* с преобладанием более чем в 50% случаев контекстов, оцененных как негативные. Этноним *таджик* является нейтральным с точки зрения современной лексикографии, но его контекстная обусловленность близка по своим показателям к негативному этнониму *хачик*, хотя и не столь ярко выражена.

Кроме того, на основе имеющегося материала мы делаем предварительный вывод о том, что негативная оценочность этнонимов, так же как их семантика, динамична и может приводить в крайнем случае к формированию у нейтрального этнонима переносного значения, как это отмечено в случае со словом *азиат*. В то же время этноним *азиат* демонстрирует обратный процесс — деактуализацию образного негативного значения. Возможно ли, в частности, у нейтрального этнонима *таджик*, как у слова, которое по нашей исследовательской базе употребляется в наибольшем количестве негативных контекстов, формирование переносного значения под влиянием контекстуальных употреблений — вопрос открытый, тре-

бующий дополнительного исследования. В целом, динамичность оценки должна быть подтверждена отдельным системным исследованием.

Полученные результаты демонстрируют: в ряде случаев сама номинация перестает восприниматься носителями языка как нейтральная, что доказывается преобладанием употребления слов в негативных контекстах, стремлением заменить в текстах, ориентированных на самого широкого читателя, те или иные этнонимы на конструкцию-эвфемизм *лицо ... национальности*. Таким образом, можно говорить об определенном негативном сдвиге для слов *азиат* и *таджик*, определяемом и по опросу респондентов, и по количественной оценке сочетаемости этих этнонимов, и по дополнительному критерию (эвфемистической замене). Очевидно, что формирование такого сдвига определяется не внутренними языковыми процессами, а внешними — социальными, но мы не будем выходить за рамки лингвистической компетенции, а лишь ограничимся утверждением, что язык может рассматриваться как инструмент выявления и подтверждения разнообразных социальных процессов.

Словари

БАС — Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Гл. ред. А. С. Герд и др. М.: СПб.: Наука, 2004—.

БТС — Большой толковый словарь русского языка: [Электрон. версия] / Под общ. ред. С. А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar>.

Литература

Баранов 2007 — *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2007.

Березович, Гулик 2002 — *Березович Е. Л., Гулик Д. П.* Ономасиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте / Отв. ред. Г. П. Нешименко. М.: Наука, 2002. С. 232–253.

Грищенко 2007 — *Грищенко А. И.* Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы междунар. конф. 8–9 июня 2007 г. памяти Л. В. Николенко и Ю. П. Солодуба (МПГУ) / Гл. ред. Н. А. Николина. М.; Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52.

Грищенко, Николина 2006 — *Грищенко А. И., Николина Н. А.* Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И. Т. Веппера, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 175–187. (Тр. Уральского МИОНа; Вып. 20).

Довгополый 2006 — *Довгополый Я.* Этнофолизмы как прозвища с эмоционально-экспрессивной оценкой // Acta Neophilologica. Vol. 8. 2006. S. 49–57.

Ефремов 2022 — *Ефремов В. А.* Язык вражды в эпоху «новой этики» // Медиалингвистика. Вып. 9: Язык в координатах массмедиа: Материалы VI междунар. науч.

- конф. (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.) / Науч. ред. Л. Р. Дускаева; Отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапапир, 2022. С. 725–728.
- Золотова и др. 1998 — *Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: [б. и.], 1998.
- Ильенко 2003 — *Ильенко С. Г.* Русистика: Избр. тр. / Вступ. ст. М. Я. Дымарского, И. Н. Левиной. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
- Ильенко 2009 — *Ильенко С. Г.* Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению «Филологическое образование». СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.
- Ильенко, Томилова 2021 — *Ильенко С. Г., Томилова Т. П.* О трех концепциях модальности текста // Научные труды Тувинского государственного университета. Вып. XX: Материалы ежегод. науч.-практ. конф. преподавателей, сотрудников и аспирантов Тувинского государственного университета, посвящ. 100-летию образования Тувинской Народной Республики (30 октября 2021 г.) / [Отв. ред. Е. Д. Монгуш]. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2021. С. 39–43.
- Каллистратидис 2013 — *Каллистратидис Е. В.* Экспрессивные этнонимы и квазиэтнонимы в неформальной интернет-коммуникации: функциональный и этический аспекты // Научный диалог. 2013. № 10 (22). С. 88–97.
- Кара-Мурза 2009 — *Кара-Мурза Е. С.* Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 47–71.
- Кронгауз, Сомин 2024 — *Кронгауз М. А., Сомин А. А.* Экспрессивные этнонимы в русском языке: систематизация и оценка // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. 20. Ч. 1. 2024. С. 143–186. <https://doi.org/10.30842/alp23065737201143186>.
- Мокшин 1991 — *Мокшин Н. Ф.* Мордва — этноним или этнофолизм? // Советская этнография. 1991. № 4. С. 84–93.
- Пешкова и др. 2018 — *Пешкова Н. П., Моисеева А. В., Титлова А. С.* Этнофолизмы как проявление потенциальной конфликтности реципиентов в процессе восприятия информации в интернет-дискурсе // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 4. С. 19–32. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2018.4.2>.
- Стернин 2011 — *Стернин И. А.* Речевое (бытовое) и «юридическое» оскорбление // Юрислингвистика — 11: Право как дискурс, текст и слово: Межвуз. сб. науч. тр. / [Отв. ред. К. И. Бринев]. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2011. С. 398–403.
- Стернин, Калинин 2011 — *Стернин И. А., Калинин С. В.* Некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации оскорбления (ст. 297, 319 УК РФ) // Уголовное право. 2011. № 5. С. 44–50.
- Roback 1944 — *Roback A. A.* A dictionary of international slurs. Cambridge, MA: Sci-Art Publishers, 1944.
- Thelwall et al. 2010 — *Thelwall M., Buckley K., Paltoglou G., Cai D., Kappas A.* Sentiment strength detection in short informal text // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 61. No. 12. 2010. P. 2544–2558. <https://doi.org/10.1002/asi.21416>.
- Vinodhini, Chandrasekaran 2012 — *Vinodhini G., Chandrasekaran R. M.* Sentiment analysis and opinion mining: A survey // *International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering*. Vol. 2. No. 6. 2012. P. 281–292.

References

- Baranov, A. N. (2007). *Lingvisticheskaia ekspertiza teksta: teoriia i praktika: Uchebnoe posobie* [Linguistic expertise of the text: theory and practice: A manual]. Flinta; Nauka. (In Russian).

- Berezovich, E. L., & Gulik, D. P. (2002). Onomasiologicheskii portret “cheloveka etnicheskogo”: printsipy postroeniia i interpretatsii [Onomasiological portrait of an “ethnic person”: principles of construction and interpretation]. In G. P. Neshchimenko (Ed.). *Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale iazyka v sopostavitel'nom lingvokul'torologicheskome aspekte* (pp. 232–253). Nauka. (In Russian).
- Dovgopolyi, Ia. (2006). Etnofolizmy kak prozvizhcha s emotsional'no-ekspressivnoi otsenkoi [Ethnopholisms as the nicknames based on expressive and emotional evaluation]. *Acta Neophilologica*, 8, 49–57. (In Russian).
- Efremov, V. A. (2022). Iazyk vrazhdy v epokhu “novoi etiki” [The language of hostility in the era of the “new ethics”]. In L. R. Duskaeva, & A. A. Malyshev (Eds.). *Medialingvistika, Vol. 9: Iazyk v koordinatakh massmedia: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 30 iyunia — 2 iulia 2011 g.)* (pp. 725–728). Mediapapir. (In Russian).
- Grishchenko, A. I. (2007). Istochniki vozniknoveniia ekspressivnykh etnonimov (etnofolizmov) v sovremennom russkom i angliiskom iazykakh: etimologicheskii, motivatsionnyi i derivatsionnyi aspekty [Sources of the emergence of expressive ethnonyms (ethnophaulisms) in modern Russian and English: etymological, motivational and derivational aspects]. In N. A. Nikolina (Ed.). *Aktivnye protsessy v sovremennoi leksike i frazeologii: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 8–9 iyunia 2007 g. pamiati L. V. Nikolenko i Iu. P. Soloduba (MPGU)* (pp. 40–52). Remder. (In Russian).
- Grishchenko, A. I., & Nikolina, N. A. (2006). Ekspressivnye etnonimy kak primety iazyka vrazhdy [Expressive ethnonyms as signs of the language of enmity]. In I. T. Vepreva, N. A. Kupina, & O. A. Mikhailova (Eds.). *Iazyk vrazhdy i iazyk soglasii v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti: Kollektivnaia monografiia* (pp. 175–187). Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).
- Il'enko, S. G. (2003). *Rusistika: Izbrannye trudy* [Russian studies: Selected works] (M. Ia. Dymarskii, & I. N. Levina, Intro.). Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russian).
- Il'enko S. G. (2009). *Kommunikativno-strukturnyi sintaksis sovremennogo russkogo iazyka: Uchebnoe posobie dlia studentov, obuchaiushchikhsia po napravleniiu “Filologicheskoe obrazovanie”* [The communicative and structural syntax of the modern Russian language: Textbook for students studying in the field of “Philological education”]. Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russian).
- Il'enko, S. G., & Tomilova, T. P. (2021). O trekh kontseptsiiakh modal'nosti teksta [On the three concepts of text modality]. In E. D. Mongush (Ed.). *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, Vol. 20: Materialy ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, sotrudnikov i aspirantov Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, posviashchennoi 100-letiiu obrazovaniia Tuvinskoi Narodnoi Respubliki (30 oktiabria 2021 g.)* (pp. 39–43). Izd-vo TuvGu. (In Russian).
- Kallistratidis, E. V. (2013). Ekspressivnye etnonimy i kvazietnonimy v neformal'noi internet-kommunikatsii: funktsional'nyi i eticheskii aspekty [Expressive ethnonyms and quasi-ethnonyms in informal Internet communication: functional and ethical aspects]. *Nauchnyi dialog*, 2013(10, (22)), 88–97. (In Russian).
- Kara-Murza, E. S. (2009). Lingvisticheskaia ekspertiza kak protsedura politicheskoi lingvistiki [Linguistic expertise as a procedure of political discourse]. *Politicheskaiia lingvistika*, 2009(1, (27)), 47–71. (In Russian).
- Krongauz, M. A., & Somin, A. A. (2024). Ekspressivnye etnonimy v russkom iazyke: sistematizatsiia i otsenka [Expressive ethnonyms in Russian: systematization and evaluation]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 20(1), 143–186. <https://doi.org/10.30842/alp23065737201143186>. (In Russian).
- Mokshin, N. F. (1991). Mordva — etnonim ili etnofolizm? [Mordva: ethnonym or ethnofaulism?]. *Sovetskaia etnografiia*, 1991(4), 84–93. (In Russian).

- Peshkova, N. P., Moiseeva, A. V., & Titlova, A. S. (2018). Etnofolizmy kak proiavlennye potentsial'noi konfliktogennosti retsipientov v protsesse vospriiatiia informatsii v internet-diskurse [Ethnophaulisms as realization of recipients' potential conflictogeneity in the process of information perception in the internet-discourse]. *Vestnik PNIPU. Problemy iazykoznanii i pedagogiki*, 2018(4), 19–32. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2018.4.2>. (In Russian).
- Roback, A. A. (1944). *A dictionary of international slurs*. Sci-Art Publishers.
- Sternin, I. A. (2011). Rechevoe (bytovoe) i "iuridicheskoe" oskorblenie. In K. I. Brinev (Ed.). *Iurislilingvistika — 11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo: Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* (pp. 398–403). Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Sternin, I. A., & Kalinkin, S. V. (2011). Nekotorye voprosy ugovolno-pravovoi kvalifikatsii oskorbleniia (st. 297, 319 UK RF) [Some issues of criminal law qualification of insults (Articles 297, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo*, 2011(5), 44–50. (In Russian).
- Thelwall, M., Buckley, K., Paltoglou, G., Cai, D., & Kappas, A. (2010). Sentiment strength detection in short informal text. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 61(12), 2544–2558. <https://doi.org/10.1002/asi.21416>.
- Vinodhini, G., & Chandrasekaran, R. M. (2012). Sentiment analysis and opinion mining: A survey. *International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering*, 2(6), 281–292.
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., & Sidorova, M. Iu. (1998). *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [The communicative grammar of the Russian language] (n. p.). (In Russian).

Информация об авторах

Елизавета Сергеевна Громенко

кандидат филологических наук
научный сотрудник, Лаборатория
лингвистической конфликтологии
и современных коммуникативных
практик, факультет гуманитарных
наук, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Россия, 109028, Москва, Покровский
бульвар, д. 11
✉ elgromenko@hse.ru

Максим Анисимович Кронгауз

доктор филологических наук, профессор
профессор, Лаборатория
лингвистической конфликтологии
и современных коммуникативных
практик, факультет гуманитарных
наук, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
109028, Россия, Москва, Покровский
бульвар, 11
✉ mkronhaus@yandex.ru

Information about the authors

Elizaveta Sergeevna Gromenko

Cand. Sci. (Philology)
Researcher, Laboratory of Linguistic
Conflict Resolution Studies and
Contemporary Communicative
Practices, Faculty of Humanities, HSE
University
Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky
Boulevard, 11
✉ elgromenko@hse.ru

Maxim Anisimovich Krongauz

Dr. Sci. (Philology), Professor
Professor, Laboratory of Linguistic
Conflict Resolution Studies and
Contemporary Communicative
Practices, Faculty of Humanities, HSE
University
Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky
Boulevard, 11
✉ mkronhaus@yandex.ru